
Олег Павлов

Письма Марку

Олег Павлов и Марк Авербух познакомились в 2003 году на Франкфуртской книжной ярмарке — и около десяти лет состояли в плотной переписке. Марк — бывший харьковчанин, живущий с 1979 года в США — сам называет себя «запойным и одержимым читателем». Для российских писателей он основал небольшой грант имени Анны Хавинсон — рано ушедшей из жизни сестры его жены, которая была, по словам Марка, очень добрым человеком, всегда готовым прийти на помощь. Одним из первых этот грант получил Олег Павлов — и с благодарности за поддержку начинается его первое письмо.

Примечательно, что примерно в тот же период Марк вел активную переписку с писателем Сергеем Николаевичем Есиным, она опубликована в 2009 году отдельной книгой издательства Terra-Super — «Случайная закономерность. Сергей Есин — Марк Авербух. Межконтинентальные разговоры». Пожалуй, Марк стал подвижником эпистолярного жанра в нашем электронном мире.

Свои письма Олег собрал в отдельную папку «Письма Марку». Здесь размышления об искусстве, о литературе, о жизни, о политике, о «еврейском вопросе». Можно сказать, это некий дневник, адресованный конкретному человеку — и всем, кому это интересно.

Л.П.

2 декабря 2003 года

Здравствуй, Марк!

Я благодарен вам за помощь, от которой не откажусь и в которой особенно теперь даже нуждаюсь, потому что сижу в долгах. У меня обнаружили диабет, уже во Франкфурте я что-то такое чувствовал, но не понимал, что это. Думал, просто утомление временное, но уже в очень плохом состоянии месяц назад попал в больницу, после чего забыл обо всем, кроме болезни. Сейчас я на ногах, отделался без серьезных осложнений, пока что достаточно таблеток и диеты, привыкаю жить с этой болезнью. Мы сделали много долгов — а ни переводов, ни изданий новых так и не удалось мне добыть, поэтому все последнее время я думаю только о деньгах, как их достать и облегчить сегодняшнюю нашу жизнь. Должен сказать, что ваше предложение теперь освобождает меня от этих мыслей, так что я могу прийти в себя и начать спокойно работать. Думаю, этого вы и хотели бы — а я, если бы и смог принять такую помощь, то только от друга. Я представляю вас именно своим другом, друзьями я оказался богат, Бог всегда посылал мне в помощь надежных и почему-то любящих меня людей, хотя я сам вряд ли могу быть для кого-то опорой в том же смысле. Спасибо

за готовность принять мою дочь и познакомить ее с Америкой. Еще раз благодарю вас и вашу жену, спасибо за все, что готовы сделать и делаете для меня. Я бы хотел узнать об Анне Хавинсон, прошу вас рассказать мне о ней, так как в память о ней буду впредь указывать эту награду с ее именем во всем, что связано и с моим именем в таких обстоятельствах.

Ваш Олег Павлов.

20 января 2004 года

Здравствуйте, Марк!

Простите, что не мог долго ответить, был в отъезде. Получил вашу посылку с дипломом, спасибо. Фотографии очень тронули. Всегда радостно видеть счастливые семьи. Почему-то немногие способны их построить и сохранить. Ваша библиотека впечатляет. Я тоже очень люблю книги и покупал их, то есть собирал свою библиотеку с 16 лет, но теперь не знаю, что делать — место в квартире кончилось, каждая новая книга находит себе место с большим трудом. А мне еще и дарят их изрядно. Наверное, поэтому я стал меньше читать, так как уже окружился книгами — теми, что были прочитаны, и они не впускают в свой тесный мир случайных или даже новых.

Сам я пишу статью большую, которая дается тяжело — «Русская литература и крестьянский вопрос». Начал ее давно, но писал урывками, почему и затянулось. Да еще и писал так, что сама работа шла попутно с пониманием новых вопросов, перед которыми сам себя ставил. Очень хочу все сделать, уже даже устал. Ну, такие дела. В середине февраля поедем с Лилей в Гатчину, под Питер, на кинофестиваль «Кино и литература» — вот там отведем душу. Кино посмотрим, продышимся, отдохнем. Помню, что обещал вам выслать книгу жены Рубцова — но пока что надеюсь на оказию, что передам с Анютой эту книгу и еще кое-что. Я сдал сейчас в издательство «Русский путь» книгу о литературе, сборник статей и эссе. Вы читаете «Безбожные»? Хотел бы узнать потом, когда прочтете, что думаете об этом романе. Он остался в тени всего, что я писал. То есть по сути малоизвестен, не имел книжного издания и прочее. Как-то я расстроен, что получился он быстрым и отчасти вынужденным. Мне были нужны деньги — ну это Достоевская история — и я искал заказ. Нашлась газета, которая готова была заказать мне роман о детстве за огромный по тем временам гонорар. И я написал его за три месяца. Потом, правда, для публикации в журнале в 2001 году существенно отредактировал. Но все же недоволен, что превратил очень многое в серию автобиографических анекдотов.

Пишите. Привет вашему замечательному семейству.

С уважением, Олег Павлов.

27 декабря 2004 года

Здравствуйте, Марк! Хорошо, что вы написали. Год был тяжелым, много утрат. Во многом поэтому я отказался от поездки и собственной, и Аниной в Америку — остался в Москве и как раз дописал «Крестьянский вопрос». Очень доволен этой работой, даже горжусь, но все-таки сделал за год очень мало. Прозу не писал. Даст Бог, в будущем году у меня выйдет что-то вроде собрания сочинений, есть договоренность, но пока что только на словах. Думаю, это будет три книжки, одна из которых новая — с «Безбожными переулками» и «Школьниками». В марте мы с женой, очевидно, будем на Парижской книжной ярмарке. Спасибо, что не забываете нас. Пишите. Я думаю, мы обязательно встретимся. Вам и вашей семье желаю здоровья и мира.

С уважением, Олег Павлов.

10 апреля 2005 года

Здравствуйтесь, Марк! Здравствуйтесь, Софа!

Жаль, что мы не простились, но даже больше жалею, что мало провели вместе с вами времени. Надо было еще где-то посидеть вечером или походить вместе по Парижу. Так было хорошо с вами. Дом Бунина мы не увидели, все же не доехали. Но мы с Лилей оказались в гостях у Никиты Струве под Парижем и побывали на могиле Бунина, куда Никита Алексеевич нас любезно отвез. Он ведь лично знал Бунина, хоть был еще очень молодым человеком в то время — и замечательно о нем рассказал. Именно какие-то эпизоды из своих с ним встреч, в которых человека как раз и видишь очень ярко, выпукло. 23 апреля я уезжаю в Польшу. А пока что пишу понемножку, но уже нервничаю — так у меня всегда, если нужно уезжать из дома. Начинается какая-то лихорадка. Вот люблю ездить, но мучаюсь, когда нужно уезжать. Высылаю вам рукопись своей книги, как обещал. Вряд ли получится мне ее издать. Скорее всего, так и останется — рукописью. Но пусть у вас будет. Пишите.

28 ноября 2005 года

Здравствуйтесь, Марк. Рад, что вы и Софа живы-здоровы, что вас охраняют все те же мудрые добрые ангелы. Принимаюсь за ответ... Сделаю все же такой комментарий к полученной вами книге. Я выслал вам именно книгу, которая вроде бы на выходе в издательстве «Время». Но все в ней другое — поэтому и выслал. В той же библиотеке Мошкова оказались самые первые, как бы «мемуарные» редакции этих вещей — того, что я называю «вольной прозой». История ведь была такая, что я писал их, по сути, на заказ, который требовал открытой документальности, почти какой-то публицистики. Поэтому я считал их все годы сырыми, компромиссными — и вот избавился от мучений, превратил морок своей жизни в художественную реальность. И это взято из Маркеса: жизнь — это не прожитое, а то, что мы помним и как об этом рассказываем. Так вот я избавился от «прожитого», но «вспомнил» и «рассказал». В сущности, реальностью имеет право называться только то, что мы помним, именно в этом смысле каждый настоящий писатель — реалист, и здесь уж нет места никакому формальному или эстетскому бездушию. Поэтому почитайте книгу целиком, как она сложилась — одно за одним, там откроется не одна, а несколько шкатулочек времени. Так я, по-моему, все в ней ловко устроил.

Далее о Струве. Да, по сути целая эпоха в одном лице. Но мы с ним, похоже, остались друг другом недовольны. Чувствую кожей, что они восприняли нас с Лилей очень «советскими», а для них это — самый страшный грех, что-то любить в советском прошлом. Для меня же это прошлое и есть родина, которая пусть стала прахом, но с ним же смешан прах моих родных и моего детства. Рассказать поэтому он успел немного, так как мы быстро начали в споре на эту тему отчуждаться. Я хотел увидеть могилу Бунина, ну и спрашивал еще по дороге только о нем, зная, что Струве видел его, разговаривал с ним и прочее. Он был тогда очень молодым человеком, поэтому и передал, что ли, свои самые сильные впечатления от этих нескольких нечаянных встреч: как Бунин говорил — жестко, сильно, очень осмысленно. То есть полное отсутствие каких-то пустых слов. Каждое слово — мысль. Высекал слова. И другое уже убеждение у него: что Бунин был последним русским писателем, которого он видел. То есть даже Солженицын по его мнению — человек другой культуры, а русское избыло себя так вот трагически именно в Бунине. С этим я согласен. Русское в культурном смысле было прикончено революцией. Только думаю, в России случилось раньше, что произошло со всей мировой культурой, то есть тотальное истребление культурных

традиций. Есть элитарное эстетство или плебейская массовость, а традиция в ее глубочайшем, я бы даже сказал, божественном смысле, наверное, понятном вам, истребляется. Только православная еще как-то жива, католическая и прочее. А культурная исчезла. Просто некому ее перенимать — вот и все. Да, советская цивилизации впитала какую-то русскую сырость, нечто природно русское, но что это было? Да, были тогда в литературе судьбы: Казаков, Вампилов, Шукшин... Но там уже Бога не было, отсюда и судьбы их какие-то «безбожные», пьяные. А теперь люди традиции в культуре — это почти сорняки: не обращают на тебя внимания, поэтому и существуешь на этом культурном огороде, засаженном огурцами; а вот если обратят — тогда искореняют, даже траве теперь простой не расти, тут же подстригут, превратят в какой-нибудь «английский газон». Ну, это я уж плачусь. Чувствуя, что приходит, наверное, конец моим писулькам.

Плохо, все плохо, дорогой Марк. Вот это и есть безумие — быть на положении эмигранта в собственной стране, в своей же исторической культуре. Почему так — долгий разговор. Только положение мое таково, что работы литературной никакой нет, ни одна газета не возьмет у меня даже паршивую рецензию, не говорю уж о том, что заплатит за мой труд. За последние публикации ничего не получил: сказали по-хамски, что это реклама меня самого, что чуть ли не я им должен оплатить. Такое Бунину и не снилось. Вот с Шишкиным интересный пример, почему они его полюбили: потому что можно перевести на полку элитарных и всей этой своей элитой любить. А со мной так нельзя, они ведь подавятся, там же «народом» каким-то пахнет. Теперь итоги. Да, есть в запасе только этот «пятитомник», который тоже, похоже, не выйдет, а если и будет издан, то ляжет на мою репутацию окончательно могильной плитой, как это ни странно: писать о моих книгах не будут, продавать, стало быть, не станут, и никто их не купит. А если нельзя продать в России даже трех тысяч книжек твоих — все: можешь благородно застрелиться. Меня после этого вообще уже не станут издавать. Такие вот дела. Я держусь, конечно, но в будущность свою верю скорее уж после смерти. Меня они любят только мертвого, вот так в России всегда, эта традиция никуда не делась.

Марк, в деньгах у нас нет вопиющей нужды, Лиля много зарабатывает, это я только ни копейки не приношу в дом. Жалко, что вы идеальный читатель — а не издатель. Но вы бы тут же разорились, и вас бы освистало то же самое дурачье, думающее, что главное — это преуспевать. И что бы тогда было с вашим идеализмом — не знаю. Но вот и хорошо, что он есть и ему угрожает, наверное, только насморк.

Мы недавно с Лилей размышляли, как это странно: богатые люди сегодня тратят деньги на что угодно, но никому не приходит в голову купить искусство, то есть заказать ну хоть реквием для себя и в таком духе — скажем, симфонию или даже роман. Да, есть заказ, но ведь только пошлость исполнять, да и от масс идущий, а не от какой-то уважающей себя личности. Кстати, вы знаете, кем был заказан «Реквием» Моцарту, то есть, кого должно благодарить человечество за эту музыку? Не знаю, правда ли, но услышал такое: это был человек в черном, скрывавший свое имя, лицо и прочее — аноним. Только личность его позднее все же раскрыли. Это был какой-то тщеславный венский лакей, то есть слуга у богатых господ. Тщеславие его заключалось в том, что он заказывал для себя у венских композиторов реквиемы, как бы коллекционировал то, что не мог бы услышать никто, кроме него самого. Заказать же музыку, даже у Моцарта, стоило какие-то гроши. А скрывался он потому, что не мог признаться в этой своей страсти, ведь ему нужно было, чтобы композитор верил, будто под его музыку будут кого-то хоронить. То есть какой-то совершенный в своем роде Смердяков

оплатил создание «Реквиема». И я думаю, знаете, он искупил все свои грехи у Бога и всю свою низость, сам того не понимая, совершил такое же в своем роде величайшей важности деяние. Ну, а Моцарт — он для того и Моцарт, чтобы сотворить такое вот чудо не для себя, а самому в яму безвестную лечь. Какая же это подлость, что он так умер, уму непостижимо! Вот это страшно, поэтому и Христа распяли, все повторяется.

Ну, простите за излишества... Я что-то, видно, многое держал в себе, скопилось. Надеюсь, что с Софой приедете в Москву. Всей вашей семье поклон.

Ну, все, ваш Олег Павлов.

30 декабря 2005 года

Здравствуй, Марк! Спасибо за письмо. Да, это ведь самая настоящая молитва, в том смысле, что «держись» — как «изыди», сказанное темноте, которая окружила... В общем, все то от Бога, в чем есть созидательная сила жизни. Этот год темный был для меня из-за болезни, да и мыслей было много темных, но вроде бы продержался... Мы не замечаем, но в жизни даже самое простое происходит по вере. Вот храм нам в Париже тогда открыли? А ведь в Писании так и сказано: «стучите — откроются двери». А мы ведь попросились в храм, а не ушли, когда увидели, что двери закрыты.

Странно — пишу вам под влиянием булгаковского фильма, который у нас тут шел по телевизору... Хочется креститься, креститься — такая жуть. Сегодня последняя серия была, самая жуткая. Навязчивой этой булгаковской мысли, что Сатана справедливей Бога, так как ничего не прощает, все во мне противится... Нет уж, Бог справедливей: потому что прощает!

Марк, Софа, берегите себя. Думаю, еще много чудесного вместе увидим и переживем. Со мной все в порядке. Буду вам писать. Приготовил вам подарок, но вышло уже после праздников. Обнимаю. Олег.

22 января 2006 года

Здравствуй, Марк. Я хотел, чтобы дорогое для меня осталось у вас, так вот вещи и обретают свой смысл. Я в работе, пишу повесть, правда, с перерывами. Спина очень дает себя знать, то есть дурацкая эта боль, которая так сильно меня теперь сковывает. Но все равно рад хоть так что-то делать, а то ведь двинуться было нельзя. Книги застряли в издательстве, но я этому даже рад, так как еще есть время что-то изменить или исправить, особенно в «Безбожных». Должен признаться, что многое убрал, вот и сцену эту с рыбалкой. Вся первая часть, до главы «Новая жизнь», кажется мне сильно замороженной каким-то созерцанием, а нужна драма и только драма. Поэтому, надеюсь, избавлю ее все же от этого льда, ну и успокоюсь. Пока что терзаю эту верстку и жду даже с некоторым содроганием, что позвонят вдруг из издательства, запустят книгу — а я не успею все вопросы для себя в ней решить. Та вещь, которую пишу сейчас, снова печальная. Такой клавир Баха в своем роде. Главное — все в цель, все плутания кончились, знаю, что пишу и прочее. Название пока такое — «Игры света и тени». Высылаю вам кусок из нее — можно почувствовать, что и о чем. В целом все надеюсь сделать за этот год.

Поклон Софье, семейству. Олег.

26 марта 2006 года

Здравствуй, Марк! Пишу, чтобы дать о себе знать... Новости обо мне вы теперь не прочтете, так как я перевел все это в другое русло: закрылся. Все должно соответствовать своему смыслу. Пишу, но больше за это время прочитал, чем написал

сам, как-то потянуло читать. Да книги все в руку идут такие хорошие, что даже удивительно, как мог пройти мимо, не проявить в другое время любопытство и прочее. Сейчас читаю письма Ван Гога — и это, пожалуй, самое сильное, что читал в своей жизни. Дело не в том, что человеческий документ... Но все хорошее, что скопило человечество, есть в этих письмах: там и Дон Кихот — он сам, и Толстой, и Достоевский, и Моцарт, и господь Бог. Удивительная вещь, совершенно органичное, как сама природа, исповедание человека во всем, каков он есть, природы своей. И полная свобода от «искусства» — только жизнь. Самая поразившая мысль, она же простая, как и все у него, — это мысль о том, что если подлинное искусство и есть действительность, то действительность в своей глубине несет в себе все его же формы. Думаю, цивилизация, когда вторгается в природу, вторгается и в искусство, поэтому оно, по сути, уничтожено теперь, ведь просто смотрите вокруг. Это должно было произойти уже в конце девятнадцатого века, то есть цивилизация уже была готова пожрать машинами, потребительством, своим рационализмом человеческие сердца, но отсрочилось до середины нового века, так как человечество втянулось в войну... А где война — там стоны, а где стоны — там сердце судорожно оживает. Поэтому было возможно искусство до Фолкнера, то есть и картины самого Ван Гога не стоили бы сейчас миллионов: уже гениев такого масштаба цивилизация уничтожала — см. его судьбу да и всех из ее катакомб — Кафки, Платонова и других. Ван Гог писал о том, что искусство дошло до своих вершин, и это правда. Но все же если бы цивилизация не вторглась в действительность, то для искусства еще оставалось бы очень много возможностей, каких теперь нет. Путь есть один: возвращение. Это уже было, таково ведь по сути все Возрождение, когда художники повернули истории, преобразив действительность возвращением к тому, что уже, казалось, было разрушено и забыто, то бишь «пройдено» цивилизацией. Писать в одном духе — сердцем, и чтобы совесть диктовала написанное.

То, что я сейчас пишу, — тоже о том. Правда, быть может, слишком бытово, без большого разворота во времени, всего-то повесть; вы читали кусок. Так все с Божьей помощью. Заперся и намного лучше себя ощущаю, что-то не люблю я людей, кроме самых близких, которым могу доверять как себе. То есть тягостно стало любое вторжение со стороны, даже когда спрашивают о здоровье. Стал разводить растения. Молчат, живут, радуют. Началось с удивительного растения... Ему лет двенадцать. Не знаю до сих пор, какой оно породы. В ночном горшке рос у бабки. Она умерла. Он выжил, кое-как ухаживал за ним отец. Отец умер. Я приехал на квартиру через полгода, а до этого стояла пустой — увидел только скелет, похожий на палку. Полил, вспомнив о бабушке. Приехал через месяц — тот живой, потянулся к свету. Цеплялся за жизнь. В общем, мы его оттуда вывезли этой зимой. И теперь он у нас на подоконнике весь в росточках, живой. Я думаю, сколько он выстрадал, даже обыкновенный цветок; вот что видел Ван Гог в подсолнухах своих, даже в стульях — судьбу. И у меня с ним настоящая дружба. Представьте, как бы его изобразил автор «Скорби». Посылаю вам фотографию. В общем, все растения мне от кого-то остались. И друг вот погиб — а остался куст, который три года назад они подарили. Что-то в этом есть такое, что я пока не понимаю, но очень настоящее. Может быть, они похожи на картины или даже книги, уже существующие, пусть и непроявленные. Время — художник. Природа — художник. Положите камень на траве у дома: через годы вы его не узнаете и он заключит в себя все самое главное, а взяв его в руку — и вы отчего-то очень многое, многое вспомните.

Поклон Софии, семье. Олег.

21 июня 2006 года

Мне грех жаловаться, слишком много получил. Правда, и порядком пустил на ветер. Я очень мало работал, большую половину времени провел на диване. Правда, и диван — не самое плохое место. Именно лежа на диване я имел возможность прожить множество жизней, читая книги, а за эту возможность тоже нужно благодарить.

Повесть, которую сейчас пишу, заставляет меня читать много книг, так как ее герой — художник. Мне нужен был такой человек, чувствующий как художник, для этой истории. Отсюда и письма Ван Гога — вы знаете, они меня поразили. Теперь прочитан толстый том Гогена. На очереди письма Делакруа, дневник Филонова... Большой своей хандрой, я как будто ткнулся слепо в какую-то дверь, о существовании которой ничего не знал, и провалился в этот огромный мир — мир художников — благодаря которому, кажется, нашел опять себя, почти уже потеряв.

Долг художника — быть художником. Но это очень ко многому обязывает, как рыцарство обязывало — погибать в бою. А главное — я должен стать для кого-то опорой, как сам опирался на Платонова, Вампилова и многих художников. Мой долг сделать что-то, чтобы путь продолжился, а свеча горела — вот и все. Главное, чего нельзя потерять художнику: своего достоинства, нельзя унижить в себе искусство и предать всех, кто хранил этот огонь до тебя и погибал. В общем, от судьбы своей не уйдешь. Но я тяну за собой в никуда Лилю и дочь, а это несправедливо, что им от моей судьбы достается. То есть это всегда и тяготило, поэтому я чувствую поражение, когда дать самым близким нечего. Я бы мог дать, если бы от кого-то что-то получил. Гордость. Личность художника только гордостью его создается, а благополучие — гордостью разрушается.

Сама повесть движется тяжело, хотя весь ее замысел совершенно сложился, больше того — все вижу в деталях, все сцены. Наверное, это что-то психическое. Очень быстро устаю за письменным столом, как будто не выдерживаю своего же напряжения душевного. Через минут пятнадцать отступаю, прячусь, включаю что-то тупое, отвлекающее — и через час снова минут на пятнадцать сажусь к столу. Воображать легче — это как видеть сны. Такими перебежками все и движется. Но напишу, не сверну.

Что еще рассказать? Мы увлеклись, покупаем и смотрим много фильмов. Я поражен Бергманом, Ким Ки Дуком. Что вы пишете о себе — происходит и с нами. Мы стали жить очень замкнуто — и это приносит облегчение, как будто меньше стало вокруг какой-то лжи и больше покоя. Для себя избираю на будущее именно такое поведение: одиночество в кругу своей семьи. Это самый короткий путь к сближению со своей душой.

Поклон Софии, вашей семье.

С уважением, Олег Павлов.

27 июля 2006 года

Здравствуйте, Марк. Пишу вам, потому что только вчера кое-какие строчки из одного письма Делакруа — того художника, альбом которого перекочевал в мой дом из вашего дома, — заставили тут же вспомнить о вас и только о вас. И мне бы хотелось, так как, думаю, что вам они еще не известны, как и мне были не известны, да и вообще были неизвестны, потому что перевод этих писем, их издание произошли в России только недавно, так вот, мне бы очень хотелось, чтобы вы их получили, прочли...

Из письма Ашилю Пирону, 8 октября 1819 г.:

«Книги — настоящие друзья. Молчаливая беседа с ними исключает ссоры и разногласия. Они заставляют нас работать над собой и, в отличие от друзей из плоти

и крови, без всякой навязчивости внушают нам свое мнение, убеждают с помощью разумных доводов, а у нас при этом не возникает желания спорить против очевидности, и мы не выглядим побежденными в собственных глазах. Если книга при всем своем внешнем правдоподобию ничего не стоит, она не введет в заблуждение разумного читателя. Если она хороша — это неоценимое сокровище, это бесконечное счастье. Сколько горестей забываем мы над книгой, читая о несчастьях, преследовавших благороднейших людей! Насколько лучше мы становимся, узнавая об их стойкости и великодушии! Меня удивляет, как мало людей умеют так читать. Большинство стремится заполнить чтением пустоту ума. Пожиратели строк уподобляются пожирателям лакомств: проглотили — и ладно. А я нахожу в книгах места, которые мне мало прочесть глазами. Я так сильно чувствую то, о чем они мне твердят, так ясно вижу тех, кого они мне изображают, что в конце концов начинаю негодовать на эту немую страницу дурацкой бумаги за то, что она, так сильно меня взволновав, не может сама превратиться у меня на глазах в те создания, которых я увидел благодаря ей, которых узнал и полюбил; кроме того, мне грустно, когда интересная книга идет к концу: я навечно прощаюсь с друзьями...»

02 августа 2006 года

Здравствуйте, Марк.

Спасибо за письмо. Мое глубокое убеждение: если талант художника весь обращен к душевной восприимчивости — читателя, зрителя, слушателя — то при заключении в пустоту уничтожается главное его предназначение. Этим я во многом объясняю нынешнее прозябание литературы, когда вроде бы есть какие-то таланты и прочее, но улетучилось предназначение. Простая мысль: если целью литературы объявляются высокие продажи книг, то писать с такой целью — это всего лишь стремление лично себя обогатить. Но попробуй заикнись, что все не так, что все это лживо и что цель творчества — в том, чтобы отдать... Возникла циничная проблемка: даже если хочешь отдать — заставить нужно взять, то есть опять же сделать своей целью продажность.

Приближается октябрь — и кончается срок моего договора с издательством. Если не издадут хотя бы новую книгу, буду сильно отброшен, но, значит, так надо, значит, такая воля Божья на мой счет... Я, конечно, устал в этих условиях существовать, но писать потихоньку продолжаю, радость это приносит, так как все пока что удастся как хочу. Из литературной жизни я вычеркнут, поэтому никуда не еду, никуда не приглашаюсь и прочее. Но это меня ничуть не угнетает, я этого сам хотел, к этому вел... Что еще сказать... Работаю все так же, перебежками с квартиры на квартиру. Кругом такое безумие, что только и хочется — спрятаться, даже из дома нет желания выходить. Дня три назад у меня раздался звонок... Звонит какое-то быдло пьяное, прямо мне на квартиру, заявляет, что дали ему мой телефон в Союзе писателей, что сам — отбывал срок в Караганде и хочет высказаться о моих произведениях на правах зэка... Мне было неудобно все оборвать... Ведь человек, стал выслушивать... Думаю, все это было представлением каким-то, не иначе... «Россию надо поднимать из мрака...» — это я такое что-то выслушивал... Самое печальное, что сколько пишу, столько и выслушиваю... Прочитал Распутина «Последний срок». Очень просто и сильно. Стало понятно, почему он не писал потом... Не о чем уже было — еще в семидесятых в этой маленькой повестушке разворачивается все то, что накрыло Россию, то есть нынешнее давно уж вызрело тогда. Я об этом писал «Безбожные», но иначе... Вот семья, где нет любви... Где даже любовь родить способна лишь одиночество и ненависть... Вы знаете, меня

поражает непонимание всей этой, так сказать, «советской цивилизации»... Как началось кликушество — «тоталитаризм», «тоталитаризм»... Все это безбожное время люди обладали самой невероятной свободой — свободой совести, потому что ведь и свергли в своих сердцах Бога, от Него обрели свободу... Так что убивала и растлевала свобода, именно она, как же это просто! И даже Сталин этот, он ведь плод свободы ни больше ни меньше — такой был нужен, а не другой, с т р а ш н ы й... Где свобода — там не будет прежде всего любви. Такой вот парадокс. Свобода — это есть в высшем смысле сиротство человека, угнетающее и безумное. Что теперь — это уже угольки... Ну, ладно, хватит ереси. Голова у меня трещит от подобных мыслей, всех не выскажешь. Привет вашему семейству. Я тут недавно исповедовался за много лет. Снялся с души камень. Так что не смотря ни на что стало куда как легче жить дальше — с Богом легче.

Ваш Олег.

16 августа 2006 года

Здравствуйте Марк. Все мне понятно: та жизнь вас унижала, и понятно, чем унижала, из вашего ответа этой женщине; но также понятно, что этих ваших унижений она не пережила, хоть пережила многое другое, что не было так оскорбительно, даже возвышало, как очень часто возвышают человека страдания, и поэтому, возможно, в ней больше осталось любви к той жизни... А какая-нибудь доярка помнит только то, что был колхоз, была зарплата — а теперь, когда не стало колхоза, зарплаты, она и лишилась всего, что давало ощущение свободы, то есть веры в свои силы. Вопрос именно в этом, в любви к тому, что окружает... Думаю, даже в одном с вами штате немало людей имело удовольствие все, что их окружает, ненавидеть; лишенные любви в своем сердце — они не свободы... Причин же для таких чувств может быть сколько угодно. Само то положение, когда народ возненавидел свое государство, и оказалось катастрофой. Понимаете, на это не имели право русские, потому что здесь предательство было всего, ради чего мучились всю эту русскую историю миллионы и миллионы таких же людей, но верили в величие своей родины и хранили ей верность. Даже ту царскую империю, возненавидев и развалив, отстроили, сделали еще сильнее. А такое предательство национальное, какое случилось, просто необъяснимо, и плодило на свет подлецов. Разве не пережила Америка депрессию, да еще какую? Миллионы стояли в очередях за похлебкой. Но выкарабкались именно через веру в свою мечту. То же с китайцами, они ведь даже не из болота выползали, как мы, — из трясины, в которой сидели, голодные и босые по горло, но выползли, однако не разрушили свое государство — свою мечту. Да и ни один народ не отдавал такой ценой добытых именно для себя, народа, привилегий... Все, что постигло, — дичайшее разложение — было и расплатой за это предательство, но и продолжением нравственного распада целой нации. Но ведь была она, эта нация, уже-то свободной. Распаду этому не поддались в России или, точнее, сопротивлялись, храня верность своему государству, своей идее служения: армия, церковь. В общем, поэтому мы еще целы, едины, и армия, церковь — у нас все еще народные, только это та сила или тот народ, который органично жертвует своей свободой во имя родины. И что может быть благороднее этого служения?

Что же до этой с в о б о д ы, где вы, похоже, не поняли меня, а я не понимаю вас, то, по-моему, насущна как жизнь свобода только в праве человека на труд — и такое право у советского человека было, позволяя прожить в достойной опрятной бедности всем и каждому. Нынешнее наше общество организовано так, что рабочее место оказалось привилегией. Остальное бы я не стал в этой теме обсуждать, вы читали мою

книгу, «Русские письма», очерки, и тут вам ведь уже ясна моя точка зрения и, кажется, была близка. О свободе совести: не соглашусь, что она была принудительной. Нет, к сожалению. И я бы не сводил это событие о с в о б о ж д е н и я от Бога к русской революции, она уже возможной стала от безбожия народа. Безбожие это сложное по составу, по своим причинам, долгий разговор. Но это такое же разочарование ожидания, как будто Бог не доказал людям всей своей любви и что они — его дети; то есть они, люди, так решили. Это безбожие, разочарование стало фактом уже 19 века, когда еще не было, так сказать, научно мотивированным открытием того, что в космосе никого нет и что папа с мамой человечества — это обезьяна. Я понимаю безбожие человека как сиротство, а сиротство — и дает свободу, если человеку не доказано было, что он родился по любви и был любим, если он даже не почувствовал этой любви. Так вот, дает после этого свободу считать все себе неродным, чужим, н е л ю б и т ь, отсюда и сиротство советского времени, правда, уже мучительное. Но только, чтобы не осталось ощущения какой-то двусмысленности между нами, не принимайте этого вывода на свой счет: ваше разочарование — было, наверное, открытием вполне советского человека, что он может быть не любим и может быть чужим в стране, в которой родился, которая была родной. Тут наивное и светлое разбилось, как лодка, о быт. Только быт. Кромешный, конечно. Но я бы не стал все же ничего противопоставлять... То есть Америку — которая полюбила вас — с той страной, которая не дала такой любви. Думаю, это вы полюбили Америку после всех страхов, переживаний. Но такой идеальной страны, о которой могло бы в который уж раз мечтаться всем людям, склонным к добру и справедливости, все же нет, не будет... Американская история, может быть, и начавшись позднее русской, прошла тот же круг всяческих исторических зол, а иначе не может быть, ведь это наша общая, человеческая история... Знаете, так и все грехи, в которых исповедуются, одинаковы — они человеческие. И когда вы пишете об улыбках там и въедливой подозрительности тут — я все же тронут, скорее, вашей наивностью, ведь отменив рабство чуть ли не в одно время с Россией, да еще какое, Америка только к середине прошлого века дожидаясь до отмены всех своих милых расовых изуверств, хотя страна, в которой пристрелили Мартина Лютера Кинга, была уже тогда самой, самой свободной... В общем, это мифы, иногда мы идем у них на поводу. Мне кажется, что ваше письмо, очень искреннее и честное, все же было проникнуто каким-то мифом. Но я вам и не судья. Я создал об этом же времени свой миф — вы его как читатель не осудили. Спасибо за письмо. Олег.

28 августа 2006 года

Здравствуйте, Марк. Рад, что вы живы и здоровы. Состояние у меня рабочее, поэтому больше не думайте, что я в себе сомневаюсь. Но ваши письма мне сильно помогли морально, спасибо. То, что появится книга — вот что вернуло к самому себе окончательно. Она теперь уже точно появится. Пожалуй, самая выстрадавшая получилась, но, может, легкой и светлой окажется ее судьба читательская, то бишь собственная, отдельная от меня самого, жизнь. Тираж мизерный будет, процесс литературный в России убывает и убывает именно тиражами... Но так и хочется написать: не убывает — а «убивает»... Теперь такие тиражи, исключая, конечно, авторов «больших книг». Я не смотрю в сторону этого рая — и не желаю себе в него попасть. Это бесконечная презентация самого себя. Именно содержание того, что написал, в этот момент куда-то улетучивается — оно превращается как бы в денежный чек, в его содержание, денежное. Миллион! Три миллиона! Когда их растратишь, эти деньги — ощущение пустоты и растраты себя самого. И сколько это уничтожает

времени, самой жизни, то есть вся она целиком, оказывается, должна быть отдана этой премиальной презентации, показухе, деятельности, никак не связанной с творчеством, но без чего о н и уже и не признают тебя творцом! Это петля... Я в ней чуть не задушился. Можно в нее иногда голову совать, но очень ловко, чтобы успеть выскочить, когда вышибут всякую опору под ногами, оставив одну ниточку, за которую можно держаться. Это самое очевидное, одним словом: литературные произведения, за которые вручаются премии, теряют свое содержание, а их авторы — становятся ходячими «брендами» тех премий, которые получили, но и больше-то уже не получают.

Относительно нашего разговора, который так затянулся... То, что мы как-то случайно или, лучше сказать, нечаянно начали с вами обсуждать, — это вопрос, может быть, самый главный. Не знаю, как его самым точным образом охватить... Это вообще вопрос о судьбе человека.

Обдумал и понял за это время вот что: каждый человек вправе искать свой собственный путь к спасению, как и веру принимать, обретать — только свою; но история народа — это путь к спасению всего народа. Эти пути у всех народов разные. Я не вижу своего пути, я буду брести в толпе, в тесноте своего народа, принимая его историю слепо, куда бы она ни вела, и его веру. Мне так спокойней, иначе я не могу. Ваш путь — другой. Вам хватило решимости и сил на то, чтобы, не изменив себе, изменить свою судьбу. Миллионы искали спасения в Америке — и нашли. Вот и все. Ирландцев, евреев, итальянцев, русских... Эта земля — она, быть может, вырастает из идеи личного спасения всех тех, кто брошен был один на один со своей судьбой. Остальное, по сути, не имеет значения. Но есть миллионы нашедших спасение в России, как и советская ее история — это путь миллионов к спасению. Этот путь, именно этот путь выбрал почему-то мой дед, понимаете? И служил он этой власти, считая ее своей... Что я могу понять? Только это, что он и миллионы ему подобных двинули историю по этому пути. В никуда ли? Ответ на этот вопрос кроется вот в каком решении: вправе ли мы судить историю по законам морали, то есть мерой ценности отдельно взятой человеческой жизни? Думаю, тогда уж не вправе. История питается человеческой кровью. Она — это тот алтарь, на который народы приносили и будут приносить самое дорогое, кровь от крови своей. И тогда история приходит в движение. И судьбы отдельных людей, принесенных в жертву или сознательно приносивших себя в жертву, — капля в этом море. Коммунизм победил фашизм, никакая хилая демократия наподобие европейской не могла бы Россию уберечь от уничтожения. А значит, и весь мир был спасен такой ценой. Не будь Гитлера, как это ни чудовищно, — не объединилась бы исторически Европа, веками пожиравшая самую себя. Не будь Холокоста — не возникло бы государства Израиля. У истории свой смысл. И вы можете не верить в Бога — но с вас взыскана будет ваша доля, ваша капля, где бы вы ни были, кем бы вы ни были. И это уже самый роковой вопрос человеческого бытия: все оно зиждется на жертве человека — Богу, истории, детям, родине, любви... Сама жизнь человеческая, здесь и сейчас, представляется мне некой ж е р т в о й, потому что в конце-то концов будет ОТДАНА. И мы мучительно расстанемся со всем, что любили, кого любили, кто любил нас и все э т о, весь этот мир останется — а нас уже не будет, — чтобы родились, пришли и жили вместо нас другие. Поэтому все так.

Поклон Софье.

Ваш Олег.

17 марта 2007 года

Марк, здравствуйте. Рад, что вы живы-здоровы. Все хорошо, я работаю. Прислать пока нечего, теперь уже появился суеверный страх что-то показывать, пока не сделано. Это как выпускать пар, но обещаю, что вы будете одним из первых читателей, надеюсь, где-то так еще с годик поработать, теперь это такая радость для меня, что даже не хочется спешить — хочется ее продлить... О книге вы знаете, вышла с Божьей помощью, никогда так хорошо меня еще не издавали, с любовью и прочее. Я в мае поеду читать лекции в Польшу — Варшава, Краков, Гданьск, — возьму с собой дочку. В общем, ради нее и согласился поехать, других новостей на будущее вроде бы и нет. Потом лето — а там лес да рыбалка, отведу душу. Для себя просить не могу — но попросил бы за друга. Я очень люблю и уважаю Мишу Тарковского, это уникальный писатель, человек. У него тяжелые сейчас времена. Дали бы вы ему свой грант — был бы очень рад. Почитайте вообще его прозу — это очень русское, честное, доброе письмо.

Обнимаю, ваш Олег Павлов.

29 мая 2007 года

Дорогой Марк, во первых строках своего письма сообщаю, что ваши денюжки — те, которые благополучно пересекли океан и прибыли в Москву, — перевалили через Урал, проникли в самые глубины Сибири и обрели пристанище в карманах Миши Тарковского. Во-вторых, мы с дочкой вернулись домой. Писать о впечатлениях, обо всех — я не в силах. Но все мои выступления, то есть мысли, встретили самое глубокое понимание... Мы были окружены все дни любовью... В Польше осталась, сохранилась — не уничтожила саму себя и не предала — подлинная европейская интеллигенция. Ягеллон, вообще университеты, музыкальность, чувственность — все это дышит Средневековьем, но не ужасом готическим, а как раз светом. Вообще это страна великих художников, воинов и святых — и я люблю все такие страны. Бог избавил ее от мыслителей, поэтому в ней уже веками заложен своего рода здоровый душевный покой, все на своих местах. Шляхта, то есть власть, всегда была, как и в России, крикливой, заносчивой, такой осталась и до сих пор, поляки не воспринимают своих политиков всерьез. Я ехал поездом в Варшаву — поэтому кажется, что не кончается Россия... Разительное различие в людях, к сожалению. Поляки добрее, светлее нас, русских... Маленькая страна, маленький народ — выжили стремлением к единству, хранят каждую пылинку своего прошлого и прочее... Еще совершили свое паломничество в Супрасльский монастырь. Место святое. Хочу туда еще вернуться, получил приглашение пожить при монастыре. Дочка счастлива — и я в этом смысле исполнил все свои цели. Хотел, чтобы открылось у нее другое зрение на людей, на мир — через это как бы расширение пространства... Ее там все полюбили, обросла тут же друзьями, хочет уже чего-то другого, то есть появилось ощущение как бы большой жизни, а не только в каких-то своих стенах. Меня там же пригласил Вильнюсский университет выступать к себе, то есть и страну так же могу свободно объехать — наверное, на осень, на октябрь. Возьму Лилю и Аню. Я не был в Прибалтике, так что вот такая история, с продолжением... В сентябре вроде бы пригласили на Байкал, на вампиловский театральный фестиваль — это мой любимый писатель, вы знаете, я хотел на его могиле побывать, вообще сблизиться с этим местом — и вот такой случай... На работу остается одно лето. Думаю, через неделю спрятаться в Правду — и писать, то есть продолжать вести эту свою вещь к концу, в себе ее передержать будет очень плохо. Сегодня получил на почте вашу книгу: замечательное издание, она меня сразу удивила. Я пока лишь

пробежал, но видно, как все умно и тонко, как человечно составлено. Даже если вы останетесь издателем и составителем одной этой книги — в этом жизни больше, чем в тоннах испорченной всякими негодьями бумаги на ту же тему... Вы издатель — это я сразу вам писал, то есть в вас любовь к книге и книжной мудрости такая заложена, которая может быть в настоящих издателях. Книга — ступок смысла. Но издание — это преображение смысла уже всей любовью человека, давшего ей, книге, жизнь. Я увезу ее в Правду и буду там читать, потом напишу.

О вашем последнем письме и моих вопросах. Много я проговорил на выступлениях в польских университетах. Какой ваш ответ на вопрос о свободе — такой и мой, в общем-то, — только это уже как раз-то и не о свободе вопрос, а о справедливости, то есть о том, что свобода без справедливости — это развлечение для имущих и растление для слабых. Я говорил там, что есть три вещи, которые делают человека человеком: труд, долг, благодарность. И ни что из этого как раз не требует свободы — все н е с в о б о д а. Ну, разве что труд — он не должен быть рабским, иначе развращает... Свобода — это пустышка, обман, исхищрение. Главное — Дух. И эта статуя с горящим факелом Свобода как бы гасит огонь души человеческой, Дух. Не предлагаю спора и прочее... Но вот я очень люблю Средневековье, и этим тянуло меня даже в Польшу — его духом, — а когда бродил в варшавском национальном музее живописи, где потрясающая средневековая коллекция собрана, наверное, самая сильная в Европе, то главное, что видел, — лица и лица людей Средневековья... Там нет смеющихся среди тысяч и тысяч — вот загадка. Серьезность, собранность, сосредоточенность раздумий и чувств даже на фоне уродства, даже из темноты... И я вдруг понял, что же так важно для меня во всем этом — я вижу во всем и в лицах людей страх Божий, понимаете? Ну и какая свобода может быть сильнее этого, глубже, искренней этого чувства? Это ведь не страх как таковой даже — это люди прислушиваются к гулу вечности. И, главное, слышат его.

Поклон Софье,

Ваш Олег.

13 августа 2007 года

Здравствуйте, Марк. Спасибо за письмо. Я как раз вернулся в Москву из Правды. Что-то, думаю, вы не пишете... Составлена книга, по-моему, с возможной широтой, но она же тут же обнаружила узость, о которой я вам дал понять. Высказываются — исключая Достоевского, не великие русские умы. Нет Чаадаева и Пушкина... Вернадского, Лосева... Это дает ощутить как-то сразу, что вопрос-то политический, то есть целиком на всякого рода спекуляциях и такого рода борьбе, вокруг власти какой-то, в сущности. И все сплошь двадцатый век. Все это как бы диагноз, то есть мы знаем, как был поставлен вообще в этом веке еврейский вопрос и как решался европейцами. Фашистские режимы по Европе, от Испании до Болгарии... Россия же своих евреев не уничтожала, а мировых — спасала из этого пекла. Странно, но на востоке — до этого времени, где евреи делили жизненное пространство с арабами, скажем, как в Марокко или в Иордании, вообще не было погромов, самого такого вопроса. Мне даже кажется, что их сравнили с арабским миром опять же англичане — и русских с евреями тоже срамливали. Не англичане, конечно. Но европейское общественное мнение — уж точно. Ведь дело Бейлиса — это почти повторение дела Дрейфуса, как бы его калька. И многие источники антисемитские — они в Европе. У нас, кроме как пресловутых «протоколов сионских мудрецов», ничего такого не изобретали — но и их как бы не подкинули в Россию откуда-то оттуда. Так вот, сам

принцип составления я считаю правильным, то есть все собрать, показать... Скажем, я читал переписку Астафьева и Эйдельмана отдельно — но когда такой документ во всем объеме, то это куда лучше. Меньше выделяется самой ненависти, яда, именно как факт воспринимаешь, и не более того. Объективность — что поле отдали самим свидетельствам, позволив себе не более, чем объяснение именно этого замысла... Но можно ли достичь объективности и тем самым прояснить чье-то зрение на этот вопрос? Я сомневаюсь, что можно... Или можно, но внятно ответив на сам вопрос, который уже так поставлен, чтобы разжигать ненависть взаимную евреев и русских... Судить евреев перед русской историей как преступников? То есть я бы на таком суде вызывать к объективности не стал, потому что если судят так, то заведомо невинных... Было ли вмешательство евреев в русскую традицию с целью ее подменить своей или уничтожить? Как я думаю, евреи в России — это не такой народ, как татары или башкиры, или даже сами русские... И не национальность даже, так как никаких признаков, кроме физиономических, так сказать, не сохранялось, не передавалось самими евреями. Скажем, даже пейсы носят лишь хасиды, наверное... Но религиозная еврейская традиция — никакая не всеобщая, а потом, иудаизм не имеет никаких миссионерских склонностей, то есть евреи-то не обращают в свою веру. Еврейская традиция, по-моему, есть лишь как внутренняя — то есть она исключительно семейная, этого воспитания, отцовского и материнского. Семья — вот и весь народ, вся национальность, которую еврей за собой признает и во имя которой живет. Евреи с этой своей семейной традицией влились в русское пространство — и действительно с ним сроднились, потому что традиция семейная всегда искала для себя как бы дома. Дом свой подожгли, в конце концов. Революция — это когда сын на отца, брат на брата... То есть когда рушится семейная традиция, вот что это. Русская семейная традиция разрушилась, когда прививать стали европейское воспитание, об этом долго говорить — но именно европейское, а не еврейское... Но это время, когда еврейская семейная традиция так же как бы распалась — ну вот Бабеля читать надо, там же это так видно, когда сын бьет отца и прочее... Русские в этом смысле были заодно с евреями, а евреи с русскими — и тут дальнзорко, но близоруко шельмует в своей книге Солженицын стремление самого русского народа к революции, показывая, что, якобы когда эта революция свершилась, евреи русскими управляли. Он ведь этим и занят — подсчетом и показом того, сколько было евреев во власти советской и прочее. И та его ненависть к коммунизму, которой вы почему-то восхищаетесь, не дает ему ни увидеть, ни понять, что подсчеты эти совершенно бессмысленны, так как это стал именно тогда-то один народ — с о в е т с к и й, рождение которого Солженицын не признает, продолжая делить евреев и русских, хотя даже метод воспитания стал всеобщим... Но народ советский — это не пустота. За этим народом — история. И он — это единство. Я бы даже так сказал: все победы — они советского народа, все поражения — они советской системы, потому что неумными людьми придумано, просто враждебно уму. Вот в разрушении этой традиции, советской, я бы, возможно, выделил, если уж так сказать, еврейское влияние — очевидное, потому что евреи начали себя осознавать народом и стремились к объединению. Ведь возник Израиль. Советское стало многим евреям чужим. Тут евреи бы должны быть как раз Солженицыну бесконечно близки — но нет, наш великий и могучий историк сворачивает свою книжицу без объяснений... Но эпилог — он ведь в нашей переписке. Вот вам я, ну ладно, и русский, и православный... Вот вы, гражданин американский, и не верующий, ну что там еще, что хотите... Мы ведь близки — и близки потому что наши чувства связываются с одной традицией, культурной, я бы так плакатно не сказал, но

с любовью. То есть нас воспитали одни и те же любимые книги... Я думаю, как вот на вашем личном примере, когда частью вашей семейной традиции стало чтение, русская литература — и ваши дети передадут эту любовь своим детям... Ведь так понятно — вот чем все кончилось так или иначе. Пространство освоено культурой, она в душах, а единство воли — это любовь. Иное — русский дух, так сказать. Это он, мятежный, ищет бури... Вот когда сложно представить, чтобы русский какой-нибудь даже интеллигент — по духу, так сказать, русский — прививал своим детям любовь к Бродскому или Мандельштаму, культивируя именно их национальность и прочее. Если бы хотя бы прививали уважение к тем, другим — но нет и этого. Это исключает, скажем, православная традиция. Антисемитизм у нас бытовой и заводится в семьях, домах, как заводятся в них тараканы. Бабка вот мне прививала ту же нелюбовь с детства — а была вполне образованным человеком... Ей казалось, что она страдает от евреев, даже если те — ее соседи или коллеги по работе, но соседство людей с людьми вообще доставляет им страдание — ведь это факт! Человеку невыносимо, что кто-то имеет столько же прав жить, сколько и он сам, как если бы что-то у него отнимая... В русских ощущение своей исключительности и в то же время неполноценности все портит... Радость сопричастности, как у нас, то есть и вообще у людей, вызвать способно лишь искусство. Вот когда мы рады, что живем по соседству, что есть с кем ее разделить, как саму радость жизни и прочее... Но если быдло — то обязательно сочетание именно этих черт... И это быдло именно поэтому имеет национальность, так как без нее не чувствует за собой права гордиться собой, забывая насмерть какого-нибудь негра или вьетнамца... Или эдак по-христиански, прикладывая «жидов, распявших Христа». Но это не традиция — это то, что ее уничтожает, стремясь по своей неполноценности растоптать именно все сложное, непонятное, что как бы возвышается и тяготит. Сейчас это быдло еще резвится и плещется себе мирно в корыте массовой культуры. Развлекается. Но мне страшно это развлечение миллионов — так как рано или поздно захочется других зрелищ, крови... И тогда — пойдут маршировать с факелами. В этом смысле массовая культура, вся мировая — есть не что иное, как зародыш фашизма, в котором эта змея опять выращивается, как в яйце... Такие вот мысли, Марк. Пишу честно, прямо, как просили.

Ну, вот. Относительно житейских дел... Меня опять припер к стенке позвоночник, как-то стало хуже, даже отнималась рука. Работаю я все равно как могу. Все написанное — по форме и содержанию исключительно, я это чувствую, и это дает много радости.

Поклон Софье, надеюсь, что все у вас в жизни спокойно.

Ваш Олег Павлов.

16 августа 2007 года

Марк, мне все эти мои умозаключения, которые высказал в письме к вам, что-то опротивели. Я ведь сильно не люблю брехать, а тут вот занялся брехней собачьей — это когда гавкаешь и гавкаешь на какой-то шум... Для меня давно все такие вопросы — не жизнь даже, а ее шум, вот в чем дело. Я уже к своим годам, не таким умудренным, как ваши, понял, что слова коварней, чем это кажется. Нельзя все доверять словам — и все эти словесные мысли с идеями, то есть «высказываниями», чего-то стоят только если выстраданы, когда слова прошли сильный душевный обжиг. И никакое слово не может быть истиной в последней инстанции. Мое искреннее отношение одно — мне жалко всех несчастных людей, но даже собак жалко и кошек... Кругом море зла всяческого, и если кто каплей, кто ведром вливает еще чего-то злое,

и я это чувствую, то мне физически плохо. Есть такие люди, для которых важно, что они думают и прочее. А мне важнее, что я чувствую. Чувства сложнее уже передать — это я имел в виду, скажем, когда упрекал Достоевского в том, что он публицист, когда нужно-то быть поэтом. И вы примите мои извинения, что я не высказал, по сути, именно своих чувств, но вот — и высказываю их уже в этом письме... Главное, мне тягостно, что брехня могла быть воспринята вами лично и прочее, ведь я не чувствую того, что вы. Скажем, забыл поэтому как-то очень запросто, что в пятидесятых годах Сталин готовил удар по евреям, что отделило их тогда же от советского народа, что перестрадал как свою боль, наверное, каждый еврей. В общем, простите, я тут не Солженицын, нужно воспитывать своих детей в любви к себе подобным и всему живому, что потом не исправишь никаким образованием, то есть попыткой убедить, внушив какие-то знания и прочее. Живодеров не исправишь никакой проповедью — помнят свое удовольствие, то есть их для того, чтобы исправить, нужно лишить этой чувственной памяти или удовольствия, сделать какую-то такую операцию с мозгом.

Высылаю вам неожиданную вещь — свои стихи. Никто пока не читал, они для нового романа, будут принадлежать его герою, пока так в замысле. Так что лучше напишите, какие это вызовет чувства... У меня тут все не очень хорошо развивается. Вчера был в больничке — и нашли, что онемение это с руками — вроде бы как нарушение мозгового кровообращения. Август для меня самый несчастный месяц. Завелась еще эта традиция — как август, так я в больнице. Лечат похабно, скажем, ходил без ответа целую неделю по врачам, хотя подозревают микроинсульт, но я сам должен это доказать, оплатив диагностику и прочее, так как бесплатно ставят в очередь на месяц, а тут все срочно. А где платно, там впиваются, как клещи, сосут сколько могут, то есть только деньги в глазах, но не человек. Какой-то абсурд, ведь становишься для них источником доходов, и пока тебе плохо — им хорошо. Пока что две недели я колюсь и прохожу диагностику — а после станет окончательно ясно, что со мной делается. Я уже согласился лететь на Байкал, с 15 по 20, поэтому все глупо получается — опять повис между замечательной поездкой и больничной койкой. Но все в Божьей воле, никого я в своей жизни не мучил, чтобы меня было за что мучить, поэтому, думаю, и на этот раз заступятся там, на небесах, за меня. Ну, все. Сообщу, как и что, когда станет ясно. Пока что у меня дома больничный режим, и я на месте, кропаю немножко роман. У нас тут еще жара, но уже после первых уколов мне куда легче. Хорошо, что Лиля научилась колоть, а то бы уже лежал в какой-нибудь вонючей палате. Я ненавижу больницы, но еще ведь умудрился в них столько лет проработать и столько увидеть с черного хода, что эту вонь особенно умею различать, знаю все ее извивы, так сказать. Я бы следующую вещь, кстати, стал писать ту, что лежит, по сути, уже несколько лет в больничных моих дневниках — и когда охранял и когда уже сам лежал, то есть «Дневник больничного охранника».

Ваш Олег.

15 августа 2007 года

Ну да, обмениваться мыслями — вы правы... Наверное, так надо к этому относиться. Но меня все время раздражает, что высказывание собственного мнения — это какая-то игра ума. Поэтому я не за то переживал, что вы будете думать после каких-то моих слов, а что эти слова — такая игра. Есть вещи и вопросы, по которым бы я отказался совсем иметь собственное мнение, кроме заповеданных «да любите друг друга»... Осуждение или оправдание целого народа, согласитесь, случай исключительный в своей... нелепости. Ваша книга называется «Вокруг евреев». Но

могла бы называться — «Вокруг русских». Ведь что неотделимо от ее содержания — так это жужжание русских вокруг самих себя, в свое же оправдание... И это самый, по моему, выразительный момент... Вот кому все время приходится доказывать всему миру свое моральное право в нем существовать — лишь евреям да русским... Но когда доказывают это другу другу — наверное, происходит что-то самое нелепое, чего даже выразить нельзя. При том, что немец, чей народ пролил море крови русской и еврейской, спит спокойно и ничто не тревожит этого сна... У меня был случай, после которого как-то я понял немцев, мне кажется. В номере отеля на столе — для постояльцев — вижу, лежит красочный альбом. Читаю на обложке — Заксенхаузен. И как бывший советский пионер, певший хором «Колокола Бухенвальда», сразу же вздрагиваю. Даже для моей памяти это слово — страшное. Стал листать, завлекаловка для туристов — замки, парки... Представляют свои красоты. Прошло столько лет, но это продолжение все той же психологии немецкой. Как они тогда могли легко, целой нацией сохранять покой в этом аду, ощущая себя не в нем самом, а где-то снаружи, так и теперь. Ад, который они устроили для других, никак их самих не касался, не менял даже их образа жизни, пошлейших привычек... Это я о том, что главный вопрос: почему же нам нужен самосуд и почему мы для мира этого, в сущности, чужие? Немец в нем как родной... То есть как рыба в воде для такого мира... Ну вот и все, что я бы договорил... Пишите.

Ваш Олег.

23 сентября 2007 года

Здравствуй, Марк. Не получил от вас сообщений, хотя хотелось узнать ваше мнение о графике и обо всей этой идее, ведь «Степная книга» вам-то знакома... Я, как понимаете, вернулся с Божьей помощью из Иркутска. Все было прекрасно. Спектакли, Байкал, Вампилов — все как хотел... Главное, поклонился его могиле, посылаю вам снимок — кладбище, где он упокоен с матерью, а другое — это место на Байкале, у берега, где он утонул, не доплыв, говорят, несколько метров. Пьяные еще были, плыли за водкой с другого берега в эту Листвянку... В Иркутске был в гостях у Распутина, в его семье. Принял он меня тепло, но поговорили мало, он больше слушал, вообще как не от мира сего — так видна потрясённость его гибелью дочери и уже неизгладима. Теперь мы уезжаем на неделю в Правду — у Лили есть возможность, свободная неделя. Там грибы, лес. А я хочу писать о Вампилове. Что касается болезней... В Литфонде господа меня почему-то в предельно унижительной форме лишили возможности получать в ближайшие несколько лет помощь в писательской клинике. Диагностику сделал в Иркутске, у меня дисфункция левого желудочка миокарда и дисфункция каких-то срединных структур головного мозга. Первое для меня абсолютная новость — появилось, значит, всего за год. Ну, а второе, так как я никогда не проводил обследований в таком духе, подтвердило, наверное, армейскую травму, она была тяжелой и не могла не оставить следа. Теперь нужно довыяснить, какая в этом случае лекарственная терапия и прочее. Состояние нормальное, но как приехал в Москву, опять что-то водить стало, здесь сразу все обрушивается, что есть, а я бы хотел только писать. Я все надеюсь вырваться из своих обстоятельств, зажить посвободней и, стало быть, поспокойней в смысле зависимости от своей же ползучей судьбы. Меня еще совсем не прочитали, разве что «Казенную сказку» кое-как, по ней знают мое имя, но не дальше, не глубже. В Иркутске было еще два выступления в университетах — и там знают все. То есть, в среде университетской — и это я уже понял — по-моему, читают меня от Иркутска до Варшавы, от «Сказки» до «Безбожных»,

когда я-то уже наконец сам есть, РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ. Так встречали, так принимали — и это важно для самоощущения, которому нельзя скукожиться, великое в своей же душе делая ничтожным именно по ощущению. Надо быть обязательно прочитанным в свое время, записанным в его культурный и интеллектуальный код, который вставляется в души и в умы. Распутина — четыре повести — все так прочитаны и записаны. Он мне вдруг пожаловался, что теперь тираж не более двух тысяч у него, и сокрушался, что у него в России, стало быть, всего осталось две тысячи читателей. Я ему говорю, да ведь это остатки тех, что вас не прочли... Столько их всего в России — тех, что вас не читали, ну несколько тысяч нарождаются новых каждый год, а так ведь ваши книги в каждой семье читающей, притом уже передаются детям и прочее. Эта мысль его удивила, обрадовала — тут он как старик. Забыл самое простое. И сам повторил: ну да, как хорошо... Ну, вот и все. Простите за беглость. Много долгов за время отсутствия нужно раздать — и успеть завтра уехать, очень хочу в Правду. У нас золотая осень, последние недельки света, тепла, как подаренные из жалости к людям, такое ощущение всегда в такие дни осенью. В Иркутске погода уже была разной, брыкалась. Даже где-то близко, на бурятском берегу, сыпал снег.

Поклон Софье, обнимаю. Пишите, а там и я отвечу, как буду опять в Москве.
Олег.

26 сентября 2007 года

Марк, спасибо за письмо. Книгу Валерии Пришвиной читала Лилька, а я пока что не добрался, но держу под рукой. Я ведь дружен с пришвинским музеем в Дунино по любви к Пришвину, все книги получаю от них, в том числе каждый новый том дневников, уже много лет. Две хрупкие женщины своими силами тянут в это глупое глухое время и домик в Дунино, не давая ему сгнить, и великий пришвинский архив, разбирая, подготавливая к публикации тексты, как этот. Публикатор книги воспоминаний Надежды Дмитриевны — одна из них... Та завещала ей все авторские права. В общем, музей с архивом живет на доходы с пришвинских изданий. Их, как вы понимаете, немного. Меня они вычитали когда-то — и очень точно поняли, что нужно сроднить с Пришвиным. И я действительно уже много взял, беру, но пока что лишь из его дневников, которыми вдохновлен постоянно. И в том вопросе национальном его влияние на меня было, что ли, решающим, и во многих других. Влияние Пришвина как бы заместило во мне бывшее до этого догматическое Солженицына, когда был потрясен ГУЛАГом. В какой-то момент это произошло натурально. Этой зимой вышел 34—37 гг. Вся народная жизнь, вся правда, все сознание времени... он это собрал и только он, Пришвин.

Ну, вот... Мы задержались. В Правду едем завтра. Там мне легче. Тут за несколько дней как мумия высыхаю. Надо писать, а меня разрывают то люди какие-то, то беготня по врачам, то всякое бытовое...

Поклон Софье,
Олег.

3 февраля 2008 года

Здравствуйте, Марк. Спасибо за письмо. Нужно сказать, что «Памятки» к публикации не взяли, я поспешил. Мне не удастся никак и нигде опубликовать эти мысли, их боятся почему-то, или принимают меня за умалишенного, но что-то ведь производит такое действие. Очень жаль, я бы хотел публиковать свои мысли, иметь такую возможность, придумав для себя, что ли, этот способ, освобождающий от словоблудия и прочее. То есть писать эссеистику, размазывая, что-то доказывая, —

желания как-то нет, да и времени жизни не хочется больше на эту размазную тратить. Чаадаев меня на этот способ натолкнул. Слово — это мысль, сообщенная человеку Богом. Вот и все. Отсюда — памяти. Но все так, если слово — это даже не действие какой-то мысли, а сама мысль, если вы меня понимаете. Ну, мне достаточно того, что мысли нашли у вас понимание, что по вам их сверил, и вы во мне не нашли ничего душевнобольного после этого. Они, наверное, думают, что раз я сам лично чуть ли не с Богом говорю — то это мой же бред. Пошлость восприятия — это проказа нашего времени. Люди не понимают, что все есть проявление божественного, что Бог есть во всем, что сотворено. Я не писал, но, видимо, если вы почувствовали сдвиг в моем состоянии, то надо бы указать на источник... Это Майстер Экхарт — и книга Судзуки «Мистицизм в буддизме и христианстве». Я никогда не увлекался — и это не увлечение. Просто я прочитал неожиданно то, что начал сам понимать, еще читая Чаадаева, Гоголя и, конечно, Евангелие... Казалось бы, совсем неожиданная связь.

Лиля вернулась из командировки в Израиль, пережила что-то очень глубокое. Это было не потрясение, но именно переживание. Камешек из Гефсиманского сада есть теперь у меня, она привезла, я бы сказал, что связан духовно именно с этим местом, оно во всех моих переживаниях божественного как бы сквозит. Фотки высылаю — это как немая иллюстрация, но в них есть ее настроение.

Пишите, не забывайте. Ваши письма доставляют мне радость. Поклон семье, Софии. Олег.

3 июня 2011 года

Марк, спасибо за письмо!

Я прочитал все тогда по вашей ссылке — было очень близко — но, почувствовав, что мой ответ может развернуться в долгое культурное обсуждение, растерялся, так как разучился делать выводы о прочитанном в письменной форме. Вернее — подсознательно такого рода рефлексии о прочитанном потеряли для меня почему-то смысл. Хотя все ваше читаю с удовольствием, так как это действует тепло вашей души — и я от него всегда согреваюсь. В Лондоне мне не позволили открыть рта. Это минусы. Из плюсов — только встреча с вами. Поездки без Лили мне не на пользу. Я нахожу себе одно утешение: выпивку и прочее. В общем, это как-то все уравнивает — потому что тоска. Но и пью-то один. Очень уж по-русски. Боюсь возвращения панических состояний именно в перелетах, гостиницах и прочее. Ну, и притупляю алкоголем, без чего не могу. Впечатлений мало, но я их и не ищу, так как не хочется выходить из номера. Я перестал любить все это, в общем. Да и никогда не любил. Соглашался, если платили. Но сейчас — это откровенная для меня депрессия. Я разлюбил литературную среду совсем — а она меня. Я бы поехал лучше сам куда-то — но у Лили отпуск в декабре. И все. Поэтому мы заперты. То есть при всем своем желании и возможностях можем вырваться куда-то только на две недели в декабре. Я бы хотел чаще, вместе с ней — так, по миру пошляться. Вот в Вену зовут друзья — очень бы хотел, но невозможно. Мои литературные планы, кстати, близятся к концу. Из того, что совершенно только я должен и могу написать, — в планах уже не много. Лет так на десять. Я бы с удовольствием потом оставил литературу, то есть официально, все написав, все издав и на все наконец-то наплевав: на издателей, читателей, критиков и прочее. Начал бы писать что-то совершенно другое. Например, просто вести дневники. Что плохо в литературе — что влипаешь, как муха, во все это. Потому что это ведь производство — где хорошо только то, что можешь продать или продается в конце концов. Тут подумал... Каждый, кто пишет, стремится написанное опубликовать — и получить за это лучшую цену. Писатель ничего не жертвует для читателя, а только требует: признания, денег. Творчество банально корыстно и

никогда никакой творец не отдаст людям свое творение только для их пользы, хотя именно так и получил свой дар — ничем не оплатив. Бескорыстно, тогда уж, только сопереживание людей искусству. Искусство возможно, потому что в людях есть такая жертвенная к нему восприимчивость. И это читатель или зритель создают что-то идеальное, не требуя оплаты за малейшее движение души. Вот, наверное, чем я обзавелся: отвращением к тому, что делаю, так как за малейшее движение души должен требовать оплаты. Мне плохо стало быть литератором. А кем еще можно-то быть?

Да — чувствую, что благородно перешагнул во вторую половину жизни, то есть выгляжу благородно. Пью благородные напитки. О, знали бы вы, каким я стал снобом. Ну, то есть сам для себя.

Поклон семье, Софе.

Ваш Олег.

3 июля 2011 года

Марк, спасибо за письмо! Как всегда, подействовало успокоительно. Иногда я перечитываю ваши письма — и это своего рода терапия. Бездушные окружающих угнетает меня точно так же, как безденежье. История с печатными доносами на вас грустная. Наверное, все-таки надо смириться с глупостью человеческой. Впрочем, непонимание в любом смысле почему-то всегда ранит. Значит, что-то есть такое в нас, в людях, странное. Это что-то оголенное и незащищенное, что оставлено почему-то в нас таким. Это какой-то орган душевной восприимчивости, я думаю. Поэтому человек — существо ранимое. Разумное — и ранимое. В Москве опять жара. Существовать трудно. Я застрял на третьем рассказе, который дал себе слово написать в этом году. Называется «Тайник». Он о том, что мы не понимаем происходящее с нами и все время ищем некую идею или смысл — а это нелепо и бессмысленно — так как в то же самое время божественная драматургия выбрала для нас и время, и место, и роль. То есть любая драма жизни всегда себя показывает так явственно, что всякие сомнения в ее законности отпадают сами собой. Наша жизнь — только реплики героев. Как это говорил Феллини — дайте мне слов, каких угодно, чтобы они — актеры — что-то говорили, а я сниму Кино. Не помню, писал ли вам, что подписал договор на «Дневник больничного охранника» и что готовлю книгу. Первую половину — готовую — отдал в «Новый мир», пойдет в августе, получил верстку, так что могу поделиться своей радостью: будьте, так сказать, первым читателем. На книгу много надежд. Главным образом, что она вырвется к читателю — и если будет успех, то это даст возможность продолжить серию во «Времени» и подписать договоры на трилогию. Крайне важно сейчас переиздать — и все именно по отдельности. Если нет — то есть, если провал, — я опять окажусь в плохом состоянии. Относительно питейных дел не переживайте — я же связан болезнью, диабетом, так что позволяю себе это порывами, вот как в поездках, когда один и подыхаю от тоски. Я совершенно не умею жить нормально. Все сам порчу. Даже когда можно и нужно успокоиться, например, — особенно всегда напряжен. Я мало читаю сейчас поэтому. Беру книгу — а через три страницы, глядя в нее, утопаю в потоке собственных мыслей. То есть даже не замечаю того, что уже не читаю — а в потоке своего же сознания бултыхаюсь. Всегда хотелось покоя — но когда получаю что-то подобное — оказывается, хуже нет, так как не могу найти себе применения. Литературный труд требует сочувствия — а на это тоже не всегда оказываешься способен. В общем, высылаю Дневник. После его публикации можно считать, что я совершенно опустошен, то есть отдал все, что было пока что до этого времени написано «людям и миру». Да, только это ощущение — отдаешь. Опять отдал.

Обнимаю. Привет Софе и семейству,

Олег.

6 августа 2011 года

Здравствуйте, Марк!

Собрался с письмом. Жду выхода Дневников в «НМ». Вообще, все надежды на эту вещь. Журнальных публикаций решил больше не делать до выхода книги — а она, ну это как издательство... Хотели в декабре, но могут, как всегда, дотянуть до последнего. «Гефсиманское время» в продаже провалилось, и мои издатели, так сказать, раздражены. Есть в этом, наверное, моя вина. Я считал, что надо издавать эту книгу в серии прозы, но только потому что хотел одним разом издать все, с чем покончил: свои очерки, эссе и т.п. Если книга до американских берегов доплыла и купите, то поймете, что она, в общем, настоящая. И читатель, в России уж, у нее должен быть. Возьму на себя смелость сказать, что о народной жизни этого времени что-то только из нее можно узнать. Но людей, заинтересованных судьбой своей страны, катастрофически мало. По крайней мере, в интеллигентской среде. То есть болтунов много — но мало думающих, да еще с опорой на свою же историю. Когда мне в руки попала книга Бориса Можая о русской деревне советского времени, я ее проглотил, просто физически не хватало мне этого знания. Кстати, и о вашей книге — она ведь так же важна. Когда прочел ее сам, то в сознании заполнились светом многие темноты. Но почему это так мало кому нужно... Странно. То есть литературы на эту же тему — море. Но книг совестливых как-то совсем и нет. В общем, изданием этим я себе вроде бы навредил. Сам считаю, что слишком это было лобовое решение. Надо было все же издать что-то из романов, а с публицистикой ждать. Если бы я издал по отдельности «Сказку», «Дело Матюшина», «Десятины» — я бы уже остался в сознании всех поколений читателей очень широко и считал бы свой долг перед написанным совершенно исполненным. А без них мне станет тяжело двигаться дальше. Все, что вы пишете, так сказать, с точки зрения вечности, я понимаю, конечно. Но мы живем здесь и сейчас. Если это не что-то фатальное — или это просто у меня такая судьба. Я всегда страшился бедности, зависимости. Вот как Достоевский. Но поступками, характером всегда направлялся в обратную сторону, то есть не к деньгам, а к правде. Быть русским писателем — это значит быть солдатом. Но в бою вот тоже не надо бы валять дурака. Бой — это тоже искусство. Свой такой я еще не проиграл, а вот проиграю ли вечности, если проиграю здесь и сейчас, — вот вопрос... Я имею в виду очевидные вещи... Великий писатель рождается только в великую эпоху, но при этом должен ее прославить. Достоевский не прославил свою эпоху, вообще ее как бы очернил — и поэтому в тени Толстого был при жизни, да и потом. Поэтому Шолохов как автор «Донских рассказов» — писатель своего времени, а в «Тихом Доне», ничуть не расширив своих художественных возможностей, он — великий писатель. А гениальный глубочайший Платонов остался в тени. Шаламов остался в тени Солженицына — проклял свою эпоху, презирая даже какое бы то ни было эпическое к ней отношение...

Все великие эпохи возникают как бы на взлете, самом пике великих мечтаний человечества — и трагическом этих мечтаний крушении. Но от веры до гибели — это не судьба для великих, для вершителей. Они остаются жить. Для чего? Для своей славы, наверное. Поэтому момент крушения оказывается для них, как ни странно, пиком славы. Такие вот мои мысли... А полностью вам Дневник вышлю, когда будет в книжном виде. Да... И еще меня много обманывают, предают. Это катастрофа какая-то. Но, слава Богу, лишь в литературных делах.

Поклон семье. Надеюсь, у вас все с Божьей помощью. Ваш Олег.

Публикация Лилии ПАВЛОВОЙ